

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «ИНДИВИДУАЛИЗМ — КОЛЛЕКТИВИЗМ» КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ КУЛЬТУР

Галлямова Альбина Аликовна (aagallyamova@hse.ru),
Григорьев Дмитрий Сергеевич (dgrigoryev@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Галлямова А.А., Григорьев Д.С. (2023) Культурное измерение «индивидуализм — коллективизм» как основной инструмент анализа сходств и различий культур. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 115–148.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.5>. EDN: ZAENBQ

Аннотация. Статья содержит аналитический обзор современного состояния изучения сходств и различий культур посредством использования культурных измерений, особо сфокусировав свое внимание на основной для этой цели дихотомии «индивидуализм — коллективизм» (ИНД — КОЛ). В частности, мы объясняем почему согласно последним исследованиям считается, что двухмерной модели измерения культуры достаточно для анализа сходств и различий культур, а дихотомия ИНД — КОЛ является здесь основным инструментом оценки. Кроме того, мы приводим концептуальный анализ классических моделей культурных измерений (Г. Хофстеде, Р. Инглхарт, Ш. Шварц) касательно ИНД — КОЛ, проанализировав консенсус и разногласия между ними, а также стороннюю критику. Далее, выделив основные атрибуты ИНД — КОЛ, мы рассматриваем текущее понимание роли социоэкологических факторов в формировании одного или другого полюса. Помимо основной задачи многостороннего анализа культурного измерения ИНД — КОЛ, мы хотим привлечь внимание к несколько забытой модели Г. Триандиса о горизонтальном/вертикальном ИНД — КОЛ, которая до сих пор должным образом не была проверена на культурном уровне, поэтому подчеркиваем в статье ее основные преимущества. В заключении мы остановились на проблеме различных уровней анализа (индивидуальный, субкультурный, национальный), сделав вывод, что для дальнейшего прогресса в данной области необходимо более широкое использование многоуровневого моделирования.

Ключевые слова: культурные измерения, индивидуализм, коллективизм, социальная экология, кросс-культурные исследования, экокультурный подход.

Являясь основным агентом социального влияния, национальная культура длительное время выступала одним из базовых конструктов в социальных науках (Akaliyski et al. 2021). Чтобы ярко проиллюстрировать центральную роль культуры в жизни людей, Г. Хофстеде использовал метафору «программного обеспечения» (Hofstede 2001), которое, будучи однажды установленным, выступает в качестве «операционной системы» общества. Для описания, объяснения и понимания различий в этих «операционных системах» представители социальных наук в разное время предлагали разнообразные подходы, в частности оценивать культуры при помощи *культурных измерений*, которые позволяют не только отличать одну группу людей от другой (будь то в рамках страны, региона или какого-то сообщества), но и, наоборот, искать какие-то их схожие черты (Kaasa, Minkov 2022). Хотя использование культурных измерений осуществляется довольно давно, сейчас отмечается тенденция к пересмотру проделанной в данной области работы, чтобы наконец предложить более достоверную и универсальную модель. На сегодня новые исследования в этом направлении привели к весьма неожиданным открытиям. Например, что большая часть используемых на данный момент культурных измерений дублирует друг друга или вовсе не воспроизводятся (см.: Fog 2021; Kaasa, Minkov 2022; Minkov et al. 2018).

В статье в свете современной литературы мы изложили обновленный взгляд на самое известное и влиятельное культурное измерение — *индивидуализм—коллективизм* (ИНД — КОЛ). Мы проанализировали, как разные исследователи концептуализируют данный конструкт, поскольку именно из-за разного понимания ИНД — КОЛ сначала возникает критика, а затем и путаница с тем, какие социальные феномены формируются при доминировании того или иного полюса. Кроме того, поскольку культура складывается под влиянием окружающей среды (Берри 2019), в нашей работе рассмотрен вопрос, с какими ключевыми факторами физической и социальной экологии связаны различия в ИНД — КОЛ. Затем мы останавливаемся на существующих моделях культурных измерений, для того чтобы разобраться, почему считается, что ИНД — КОЛ охватывает все основные различия между культурами, а оставшиеся культурные измерения в этом плане предоставляют довольно мало дополнительной информации.

Также, на наш взгляд, модель горизонтального/вертикального ИНД — КОЛ Г. Триандиса сегодня не заслужена обделена вниманием, поэтому мы подчеркнули преимущества этого подхода, чтобы попробовать возродить к нему интерес. В заключении нашего обзора мы касаемся проблемы уровней анализа ИНД — КОЛ. Так, несмотря на доминирование

национальной культуры как единицы сравнения, учет влияния меньших общностей и индивидуальных установок только обогатит наше понимание того, как культура инкорпорируется в индивидуальное поведение.

Основной фактор в двухмерной модели измерения культуры

Культурные измерения созданы для упрощения анализа культуры, однако из-за большого внимания к данной теме в определенный период было предложено довольно много разных моделей (см., например: Bond et al. 2004; Hofstede 2001; House, Javidan 2004; Inglehart 1997; Schwartz 2006; Triandis 1996; Beugelsdijk, Welzel 2018; Вельцель 2018; Лебедева, Татарко 2019), которые зачастую просто дублируют друг друга и не добавляют точности в оценке культурных сходств и различий. Конечно, нельзя сказать, что все представленные в рамках данных моделей культурные измерения оценивают одни и те же культурные аспекты, но, несмотря на разную теоретическую основу, многие из этих конструктов при эмпирической проверке в той или иной степени статистически друг с другом совпадают. Растущая путаница в данной области долгое время стимулировала желание ясности в использовании культурных измерений, поэтому в соответствии с их сходством были предприняты попытки инвентаризации и систематизации основных существующих культурных измерений (см., например: Fog 2021; Kaasa 2021; Kaasa, Minkov 2022; Maleki, de Jong 2014).

Исходя из предпосылки, что достоверная и универсальная модель измерения культуры должна объяснять множество социальных явлений и предугадывать направление общественного развития, результаты последних исследований последовательно показывают, что для изучения культурных различий достаточно пользоваться довольно небольшим количеством конструктов (Kaasa, Minkov 2022). Так, М. Минков, повторно проанализировав известную модель Г. Хофстеде, предложил свою двухмерную модель, которая включает только те культурные измерения, чья валидность и воспроизводимость могут пройти строгую эмпирическую проверку, а именно ИНД — КОЛ и гибкость — монументализм (раннее *долгосрочная — краткосрочная ориентация*), в то время как остальные культурные измерения (*маскулинность — фемининность, дистанция власти, избегание неопределенности*) подобную проверку пройти не в состоянии (см.: Minkov et al. 2018; Minkov, Kaasa 2021). Эти результаты полностью согласуются с другим подходом, когда при помощи факторного анализа всех предложенных культурных измерений было показано, что только два фактора постоянно извлекаются. Первый фактор включает в себя культурные измерения, сводимые к ИНД — КОЛ и дистанции

власти, в то время как второй — к гибкости — монументализму или долгосрочной — краткосрочной ориентации (см.: Fog 2021).

Эти два культурных измерения охватывают основные культурные вариации и включают в себя теоретический смысл остальных культурных измерений, при этом не добавляя излишней сложности в анализ (Kaasa 2021; Kaasa, Minkov 2022; Minkov, Kaasa 2021). Так, ИНД — КОЛ отражает то, насколько индивид автономен или подчинен интересам группы, включая вопрос важности социальных ролей и наличия строгой иерархии внутри группы. Действительно, эти обнаруженные различия соответствуют четырем определяющим особенностям ИНД — КОЛ, по мнению Г. Триандиса: (1) фокусирование на личных или групповых чертах, (2) личные или коллективные цели, (3) отношения, строящиеся на взаимообмене или сугубо заданном общественном порядке, (4) слабая или сильная роль социальных норм в определении поведения (Галлямова, Григорьев 2022).

В свою очередь, показатель «гибкость — монументализм» позволяет оценить, готов ли индивид сдерживать свои естественные импульсы ради достижения желательных результатов, а также его отношение к прошлому и будущему. Это культурное измерение было разработано после проведения исследования долгосрочной временной ориентации на базе исследований китайских ценностей (Chinese Value Survey), которая имеет корни в конфуцианских ценностях, касающихся времени, традиций, настойчивости и экономии ради будущего. Хотя данная двухмерная модель предполагает эти два основных измерения, разные формы ИНД — КОЛ охватывают все же значительно больше культурных различий, чем «гибкость — монументализм» (например, 34 % против 15 %; Fog 2023b), так как отражают взаимодействие людей друг с другом, а не какие-либо индивидуальные стремления (Fog 2021; Kaasa Minkov 2022; Minkov, Kaasa 2021).

Более того, мы считаем, что «гибкость — монументализм» едва ли можно считать **культурным** измерением как таковым, поскольку оно не предполагает каких-либо собственных институтов. Например, сдерживание естественных импульсов характерно для КОЛ культур с жесткими социальными нормами, а ориентация на будущее более логична для восточноазиатских КОЛ культур, так как в них существует культивируемый приоритет групповых целей, над индивидуальными, т.е. целей, которые не ограничиваются временем жизни одного человека. При этом коэффициент корреляции Спирмена равен 0.61 для связи между «гибкостью — монументализмом» и ИНД — КОЛ (по данным для 102 стран из Minkov, Kaasa 2022) указывает на их сильную ковариацию. Также предшественником этого измерения является так называемая социальная *гипотетрия*,

которая оценивается исходя из национального уровня IQ, распространенности убийств, ВИЧ и подростковых беременностей (Minkov 2014). Хотя эти показатели дают представление о состоянии общества в целом, они не отражают культурные различия напрямую, так как являются индикаторами биологической стратегии истории жизни, которая на национальном уровне находится под строгим наследственным контролем (Minkov, Bond 2015). *Стратегия истории жизни* — это концепция поведенческой экологии, которая описывает, как организм использует свои ограниченные ресурсы для обеспечения выживания, роста и размножения на протяжении всего своего развития и эволюционной истории. С точки зрения поведенческой экологии человека (см., например: Берри 2019) культура является адаптацией к среде в формате *конструирования ниши* (т.е. опосредованная адаптация), в то время как стратегия истории жизни в этом смысле представляется непосредственной индивидуальной реакцией на суровость окружающей среды (в аспекте угроз и лишений, включая непредсказуемость их появлений), не требующей создания и поддержания социальных структур, а лишь калибровки поведения на базе генотипа организма и его филогенеза.

Итак, ИНД — КОЛ выступает в качестве основного культурного измерения, которое, вероятно, отражает общие эффекты человеческого развития (Inglehart, Oyserman 2004; Fog 2023б) в соответствии с *теорией модернизации* (см.: Inglehart 2018), *теорией эмансипации* (см.: Вельцель 2018) и *теорией секуляризации* (см.: Li, Bond 2010). Действительно, недавно Р. Инглхарт обнаружил, что на один фактор приходится около 81 % межнациональных вариаций наиболее важных переменных в рамках его теории (Inglehart 2018). Данный фактор можно представить как вектор на известной карте культурных ценностей Инглхарта-Вельцеля, который будет проходить приблизительно по диагонали от африканско-исламской культурной зоны до протестантской Европы (Minkov 2018; Fog 2023б).

Концептуальный анализ моделей измерения культуры

Культурное измерение ИНД — КОЛ так или иначе является частью большинства моделей измерения культуры (см., например: Hofstede 2011; Inglehart 1997; Schwartz 2006; Triandis 1996). Однако сложность унификации этой культурной ориентации заключается в проблеме *jingle-jangle fallacies*, т.е. в том, что разные исследования либо использовали одно и то же название для конструкторов, которые измеряют разные переменные, либо применяли разные названия для переменных, которые оценивают одни и те же или тесно связанные друг с другом культурные феномены (Fog 2023б). Изначально различные модели измерения культуры создавались

для разных целей, например у Г. Хофстеда — для оценки культурных различий сотрудников международной компании IBM, у Ш. Шварца — для выявления мотивационных основ различных ценностей, а у Р. Инглхарта — для анализа изменений в мировых ценностях, вызванных экономическим и технологическим развитием (Kaasa 2021). Все три исследователя использовали данные, полученные на основе анкетирования, которые затем были агрегированы на уровень общества, при этом они прибегали к статистическим методам снижения размерности, чтобы охватить различные элементы культуры в разумном количестве переменных.

Дискуссии о том, какая концептуализация и операционализация конструкторов правильная, конечно, будут продолжаться. Однако, на наш взгляд, более конструктивным подходом является детальная таксономия для ИНД — КОЛ, которую ввел именно Г. Триандис, добавив дополнительную ось (*горизонтальность — вертикальность*) для оценки степени иерархичности общества. Таким образом, две оси ИНД — КОЛ (т.е. «горизонтальность — вертикальность» и сам «индивидуализм — коллективизм») можно соотнести с фундаментальными проблемами групповой жизни людей — построением *иерархии* и *солидарности* (Галлямова, Григорьев 2022). Более подробный анализ подхода Г. Триандиса рассмотрим в отдельном разделе. Здесь же приведем концептуальный анализ ИНД — КОЛ в наиболее популярных моделях.

Изначально, модель Г. Хофстеде имела только три культурных измерения, но впоследствии он разделил одно из них (ИНД — КОЛ) на собственно ИНД — КОЛ и *дистанцию власти*. В модели Ш. Шварца представлены три культурных измерения, одно из которых асимметрично, так как на одном полюсе *принадлежность* (в прошлом — *консерватизм*), а на другом *автономия* (*аффективная* и *интеллектуальная*), и именно оно является ближайшим аналогом ИНД — КОЛ. Согласно модели Р. Инглхарта, есть два континуума: *ценности самовыражения — выживания* и *секулярно-рациональные — традиционные ценности*, рассмотрев которые можно сказать, что ценности самовыражения и секулярно-рациональные ценности составляют ИНД, а ценности выживания и традиционные ценности — КОЛ (Fog 2021). Более глубокий концептуальный анализ показывает, что принадлежность у Ш. Шварца лучше разделить на консерватизм и принадлежность, поскольку противоположный полюс данного культурного изменения также делится на аффективную и интеллектуальную автономию. Кроме того, консерватизм здесь более тесно связан с формальными аспектами, такими как порядок, правила и традиции, тогда как принадлежность связана с отношениями и зависимостью между людьми. Если противопоставление интеллектуальной автономии

и принадлежности у Ш. Шварца пересекаются по смыслу с ИНД — КОЛ у Г. Хофстеде, то противопоставление аффективной автономии консерватизму значительно совпадает с культурным измерением избегания неопределенности (Kaasa 2021).

Однако концептуальная значимость избегания неопределенности подвергается сомнению, так как Г. Хофстеде включал в этот конструкт взаимоотношение социальной тревоги с отношением общества к правилам и законам (Minkov et al. 2018). Устойчивая и положительная корреляция этих аспектов была обнаружена только в европейских странах. При анализе азиатских стран стало ясно, что предпочтение людьми жестких норм и правил является аспектом КОЛ и не связано с уровнем национальной тревоги, который взят за основу для избегания неопределенности. Например, страны Южной и Юго-Восточной Азии имеют низкие показатели по избеганию неопределенности, однако в данных культурах действуют чрезвычайно жесткие социальные нормы (Minkov et al. 2017).

Более того, как и в случае избегания неопределенности, дистанция власти не только сильно коррелирует с культурным измерением ИНД — КОЛ, но и имеет похожее концептуальное значение. Если ИНД — КОЛ отражает различия во взаимоотношениях как с отдельными индивидами, так и с группой, то дистанция власти отражает этот же аспект через призму иерархий в обществе. Как и культурное измерение дистанции власти у Г. Хофстеде, так и эгалитаризм — иерархия у Ш. Шварца оценивают распределение власти в обществе (Kaasa 2021), поэтому можно утверждать, что они являются только частными аспектами ИНД — КОЛ, а не отдельным культурным измерением (Minkov et al. 2017). Это согласуется с подходом Г. Триандиса, в котором горизонтальность — вертикальность в ИНД — КОЛ отражает концептуальное значение дистанции власти и эгалитаризма — иерархии (Triandis, Gelfand 1998), но само не выделяется в отдельное культурное измерение, а только добавляет определенность в оценку ИНД — КОЛ в обществе.

Культурные измерения «маскулинность — фемининность» у Г. Хофстеде и «мастерство — гармония» Ш. Шварца можно рассматривать через призму одной концептуальной рамки, описывающей отношения с окружающей средой (Maleki, de Jong 2014). Однако Г. Хофстеде включал в это измерение также гендерный аспект. Так, если рассматривать маскулинность — фемининность с этой точки зрения, то оказывается, что разница между чертами мужского и женского кроется в уровне гендерной эмансипации в сочетании с растущим благосостоянием государства. Гендерные различия сильно коррелируют с ИНД — КОЛ и дихотомией ценностей выживания и самовыражения Р. Инглхарта, так как гендерное равенство

сильнее распространено в ИНД и экономически благополучных культурах (Minkov 2018; Kaasa 2021). Мастерство — гармония выглядит концептуально более далеким от ценностей самовыражения — выживания у Р. Инглхарта, хотя сам Ш. Шварц отмечал, что акцент на материальном благополучии в противоположность защиты окружающей среды в ценностях самовыражения — выживания параллелен акцентам в мастерстве — гармонии (Schwartz 2004).

Ни одно из культурных измерений Р. Инглхарта не может быть строго приравнено ни к одному из культурных измерений Г. Хофстеде и Ш. Шварца. Причина этого не концептуальная, а эмпирическая. Дело в том, что многие различия в культурных измерениях являются просто статистическим артефактом различных вращений факторов в эксплораторном факторном анализе или анализе главных компонент (см.: Kaasa, Minkov 2022). Содержательно дихотомии ценностей Р. Инглхарта помещаются между культурными измерениями Г. Хофстеде и Ш. Шварца таким образом, что каждая из этих дихотомий связана с двумя культурными измерениями у Г. Хофстеде и Ш. Шварца. Так, ценности выживания — самовыражения охватывают избегание неопределенности и консерватизм — аффективную автономию, маскулинность — фемининность и мастерство — гармонию, в то время как секулярно-рациональные — традиционные ценности пересекается с ИНД — КОЛ и интеллектуальной автономией — принадлежностью, с одной стороны, и дистанцией власти и эгалитаризмом — иерархичностью — с другой (Kaasa 2021). Действительно, Ш. Шварц отмечал, что мастерство и аффективная автономия подчеркивают склонность к изменениям по сравнению с сохранением и приспособлением к окружающей среде, которые также характерны для ценностей самовыражения — выживания (Schwartz 1994a). Г. Хофстеде же утверждал, что высокий уровень избегания неопределенности связан со стремлением к безопасности, а низкий уровень избегания неопределенности связан с мотивацией достижения (Hofstede 1980). Впоследствии модели Ш. Шварца, Р. Инглхарта и Г. Хофстеде были объединены в схему *синтеза культурных моделей* (Cultural Model Synthesis Scheme; см.: Kaasa 2021; Kaasa, Welzel 2023), в рамках которой эти отношения можно записать в виде условных формул: секулярно-рациональные ценности = эгалитаризм + ИНД; ценности самовыражения = аффективная автономия + мастерство; традиционные ценности = дистанция власти + КОЛ; ценности выживания = избегание неопределенности + гармония.

Концептуальные сходства описанных нами моделей позволяют сократить число культурных измерений, необходимых для охвата наиболее

важных культурных различий, так как, несмотря на то что модели Г. Хофстеде, Ш. Шварца и Р. Инглхарта включают разное количество культурных измерений, они имеют схожий набор понятий (Kaasa 2021; Fog 2021; 2022). Интересно, что только модель Г. Хофстеде охватывает также культурные отличия в обществах, которые не учитывают остальные модели, а именно долгосрочная ориентация (т.е. гибкость — монументализм).

Критика культурного измерения ИНД — КОЛ

Несмотря на всю признанную прогностическую силу и концептуальную значимость культурного измерения ИНД — КОЛ, оно часто также подвергается критике по разным направлениям. Например, за излишнюю генерализацию, когда культурное измерение ИНД — КОЛ (как и другие существующие инструменты оценки коллективизма, аллоцентризма и взаимозависимости) смешивает **реляционные** и **групповые** процессы (Brewer, Chen 2007). То есть даже о самой теоретической основе ИНД — КОЛ постоянно ведутся споры. Между тем распространенная практика изучения кросс-культурных различий по ИНД — КОЛ только в западных и восточноазиатских странах приводит к отрицанию культурных особенностей других регионов (например, Латинской Америки; см.: Krys et al. 2022). Также утверждается, что детерминистский подход, свойственный на практике анализу ИНД — КОЛ, слабо учитывает социоэкологические факторы (Voronov, Singer 2002).

Есть мнение, что преобладание ИНД в обществе изначально подразумевало более высокую конкуренцию, ведь в таком обществе каждый должен сам нести ответственность за себя, так как в нем превалируют индивиды с независимым Я, которые заботятся о достижении личных целей (Inglehart, Baker 2000). Согласно другому мнению, альтернативному этому атомистическому взгляду, ИНД может приводить к формированию так называемого открытого общества, где индивиды склонны заботиться о благополучии его членов, хотя в классическом понимании эта черта — характеристика КОЛ (Krys et al. 2019). То есть чуткость к окружающим может быть также характерной чертой ИНД, а конкуренция относится скорее к последствиям определенных экологических условий, таких как *ограниченность ресурсов*, когда дефицит влечет за собой конкурентные ценностные ориентации. Однако в ИНД культуре дефицит формирует желание экономического успеха и материального благополучия **личного**, а в КОЛ культуре — **группового**. Другими словами, как и ИНД, при определенных социоэкологических характеристиках КОЛ может включать в себя как конкуренцию, так и взаимозависимость в отношениях (Green et al. 2005).

Поводом для критики также стало утверждение, что ИНД ценности приводят к большему благосостоянию и более сложному устройству общества. Однако, как известно, восточноазиатские общества, несмотря на их КОЛ ориентацию, также показывают быстрый экономический рост, а также имеют сложную структуру. Поэтому утверждалось, что предполагаемые культурные различия, стоящие за ИНД — КОЛ, обусловлены социоэкологическими факторами: образованием, урбанизацией, структурой рынка труда (Voropov, Singer 2002). На наш взгляд, критика такого толка не учитывает реципрокный характер отношений между культурными и социоэкологическими факторами. Конечно, экономические, демографические и другие характеристики социальной экологии человека влияют на культуру, но и культура играет роль в экономическом развитии и т. д. Кроме того, как и любые взаимосвязи, которые отражают социальное устройство, связи между ИНД — КОЛ и другими важными переменными не всегда являются простыми парными линейными связями. Например, показатель ИНД по Г. Хофстеде отрицательно коррелирует с удовлетворенностью социальной жизнью (как предполагается, из-за снижения сотрудничества между людьми), но при добавлении аспекта горизонтальности, такого как «открытость общества», взаимосвязь меняется на положительную (Krys et al. 2019). Таким образом, мы утверждаем, что не стоит попадать в ловушку культурного детерминизма, сводя все к единственному и универсальным эффектам ИНД — КОЛ, но учет культурных различий по оси ИНД — КОЛ непременно должен сопровождать любой содержательный анализ в рамках социальных наук.

Одна из причин, почему в рамках изучения культур часто происходит неоправданная экстраполяция полученных ранее результатов, кроется в том, что, несмотря на огромное количество кросс-культурных исследований с использованием культурного измерения ИНД — КОЛ, большинство из них проводились в конфуцианских восточноазиатских и евроамериканских культурных контекстах (Vignoles 2018). Модель измерения культуры Г. Хофстеде, измерявшая национальную культуру, впоследствии привела к вопросу о том, как культурный уровень ИНД — КОЛ будет работать на индивидуальном уровне. Х. Маркус и С. Китаёма в своей *теории самоинтерпретаций* (self-construal) показали, что социокультурные контексты макроуровня и психологическое функционирование взаимно влияют друг на друга и что главный показатель этого взаимодействия — как люди в разных культурах понимают себя в рамках взаимодействия друг с другом (т.е. независимая — взаимозависимая самоинтерпретация; Markus, Kitayama 1991). Хотя ИНД — КОЛ не является основой для оценки Я-конструкций, исследователи включали это измере-

ние в список концепций, которые, по их предположению, могут быть связаны с самоинтерпретацией. Однако на данный момент дихотомия независимости Я и взаимозависимости Я и ИНД — КОЛ часто используются как взаимозаменяемые (Krys et al. 2022). Такой вывод сделан на основе того, что основные работы проведены на данных восточноазиатских и англоговорящих культурах, где КОЛ культура совпадает с взаимозависимой самоинтерпретацией, и наоборот. Однако последние исследования показывают, что экстраполяция таких совпадений на все КОЛ культуры не обоснована.

Анализ самоинтерпретаций вместе с культурами дает возможность оценивать ИНД — КОЛ как многогранный конструкт, поэтому различные общества могут иметь КОЛ культуру, но в них же может превалировать независимая Я-конструкция. Яркими примерами сочетания КОЛ культуры и независимой самоинтерпретации является Латинская Америка. Это может быть обусловлено тем, что латиноамериканские и конфуцианские азиатские общества имеют разную социальную экологию, которая сформировалась из-за изначальных способов обеспечения ресурсами (скотоводство / выращивания риса и др. виды земледелия), колониальной истории (оккупация/соседство), этнического многообразия (гетерогенность/гомогенность) и религиозного наследия (христианское/буддийское; Krys et al. 2022).

Культура и общество — сложные системы, на которые зачастую влияет уникальное взаимодействие множества факторов (и даже одинаковые факторы могут по-разному взаимодействовать), поэтому одно только совпадение каких-то экокультурных условий совсем не влечет за собой тождественность сформировавшихся культур. То есть если два общества решают какую-то похожую фундаментальную проблему, не значит, что они будут похожи во всем, особенно учитывая длительную историческую перспективу. Например, Сингапур и Руанда находятся на одной географической широте, в экваториальном климате, в зоне малярии и т. д., однако по индексу человеческого развития из 189 стран и территорий на 2019 г. Сингапур занимает 11 место, а Руанда — 160 место. В связи с этим мы призываем, помимо выявления общих тенденций, больше обращать внимание на подобные исключительные случаи, выделяя особенности в закономерностях взаимодействия различных факторов, которые и привели к данным различиям.

Взаимосвязь ИНД — КОЛ и экологии

Со временем панкультурная валидность культурного измерения ИНД — КОЛ и его смысловая наполненность становятся более понятными,

однако сравнительно мало известно о генезисе ИНД и КОЛ. Роль экологических факторов хотя и широко признана, но все равно до сих пор часто игнорируется современными исследователями (Stieger et al. 2022). Так, Ш. Шварц отмечал, что культурные ценности всегда отражают решение проблем, которые характерны для места обитания конкретных социальных групп, поэтому игнорирование географических, климатических, эпидемиологических и экономических факторов лишает нас возможности увидеть полноценную картину функционирования обществ (Schwartz 2006). В свою очередь, Г. Триандис говорил, что культурные синдромы всегда должны быть осмысленно связаны с географическим положением, поскольку представляют собой именно такие общие элементы субъективной культуры, которые выявляются среди тех, кто имеет общее географическое положение (Галлямова, Григорьев 2022). Таким образом, география все время занимала видное место в кросс-культурных сравнениях ИНД — КОЛ.

Однако в большинстве социальных наук в качестве основной дихотомии до сих пор господствует разделение стран по принципу Запад — Восток, хотя в действительности, общества, которые находятся на разной *географической долготе* не так сильно отличаются по сравнению с обществами с разным положением по *географической широте* (Laitin et al. 2012). Интересно отметить, что крупнейшие мировые империи в основном расширялись именно по оси Запад — Восток, нежели Север — Юг (van de Vliert, van Lange 2019), так же, как и распространение практик и технологий земледелия и скотоводства из зоны Плодородного полумесяца (Даймонд 2010). Даже социальное познание во многом связано с восприятием различий между культурными группами по оси Север — Юг, т.е. по географической широте или даже, более точно, *расстоянию до Экватора* (Grigoryev 2022). Роль географической широты обусловлена тем, что наша планета имеет Северный и Южный полюс, но не имеет таких же полюсов по оси Запад — Восток, а также обладает различными сезонными моделями солнечной активности. При этом для удовлетворения энергетических потребностей, необходимых для выживания и процветания, все живые организмы зависят от нагревания поверхности Земли солнечным излучением. То есть из-за вращения Земли количество солнечной энергии, которое достигает конкретную область нашей планеты, сопряжено в большей мере с широтой, чем с долготой. Следовательно, широта играет ключевую роль в географическом объяснении паттернов выживания и размножения (Rentfrow, Jokela 2016; van de Vliert, Conway 2019). В свою очередь, отличия по оси Запад — Восток могут быть более заметны в рамках измерения монументализма — гибкости, но они менее значительны, так как меньше

связаны с решением фундаментальных проблем выживания (Minkov, Kaasa 2021).

Исследования, изучающие культурные различия по географической широте, показали, что независимо от Северного или Южного полушария превалирование КОЛ определялось близостью к экватору (т.е. к зоне, где располагается наиболее жаркий климат). Таким образом, так называемый *широтный градиент* КОЛ по оси Север — Юг увеличивается или уменьшается в сторону более северных широт в Северном полушарии, но изменяется в противоположном направлении в Южном полушарии. В то время как со времен колониальной эпохи жители Запада и Востока мало отличаются друг от друга по уровню ИНД к западу и востоку от Гринвича (van de Vliert, van Lange 2019). Одним из объяснений такого отличия в культурах по географической широте является уровень *распространенности патогенов*, который исторически зависит от климатических зон. Так, в регионах, где распространены инфекции, людям приходится избегать контактов с незнакомцами, чтобы держаться подальше от потенциальных разносчиков болезней. Для такого образа жизни необходимо четкое разделение на своих и чужих, которое является одной из основных черт КОЛ. Исследования показывают, что нации, где исторически была выше вероятность заражения, показывали более высокий уровень КОЛ и более низкий уровень открытости к новому опыту (Oishi 2014). Другими словами, некоторые аспекты КОЛ культуры (например, строгое разделение на интруппы и аутгруппы или негибкость в отношении социальных норм) сопровождают когнитивные процессы ее носителей, предрасполагающие к более ригидному мышлению, которое выступает переменной-посредником (медиатором) между уровнем распространенности инфекционных заболеваний в регионе и превалированием в нем КОЛ (Sharouri 2022).

Однако существует критика этой предполагаемой связи между распространенностью патогенов и уровнем КОЛ. В частности, при повторном анализе изначальных данных в пользу связи паразитарного стресса и КОЛ обнаружено, что корреляция между этими переменными обусловлена разницей между западными странами и всеми остальными (см.: Hruschka, Nackman 2014). То есть утверждается, что связь между распространенностью инфекционных заболеваний и КОЛ обусловлена какой-то третьей переменной, иначе она бы наблюдалась во всех географических рамках. Кроме того, климато-экономические переменные предсказывают КОЛ лучше, чем распространенность инфекционных заболеваний (см.: van de Vliert, Postmes 2012). Хотя распространенностью патогенов, так же как и превалирование сельского хозяйства, можно рассматривать в качестве переменных-посредников (медиаторов) между КОЛ и стрессом, вызван-

ным тропическим климатом (теплая зима, жаркое лето и нерегулярные осадки), а все эти переменные вместе — как имеющие сходный широтный градиент (van de Vliert 2020). Наконец, малоизученными остаются механизмы влияния электромагнитного излучения (см.: León 2023a, 2023b). Так, различия по оси Север — Юг связаны УФ-излучением Солнца таким образом, что по мере удаления от экватора падает среднегодовая температура и распространенность патогенов, при этом у людей снижается уровень витамина D3, влияющего на выработку таких половых гормонов, как эстроген и тестостерон, которые, в частности, связаны с повышенным уровнем фертильности и снижением родительских инвестиций.

Фактор рельефа также может играть роль в формировании культурных ориентаций. Например, в регионах, где рядом находятся горы, был больше распространен ИНД (Stieger et al. 2022), но также превалировала и тенденция к одобрению более авторитарного правительства (Conway et al. 2017), т.е. это то, что по Г. Триандису можно назвать вертикальным ИНД. Вместе с этим общества, находящиеся в тех географических регионах, которые были заселены недавно, имеют более ИНД ценности, что обусловлено самоотбором (так как те, кто предпочитает переезжать, более независимы), а также суровыми условиями новых мест (мигрантам необходима уверенность в себе). Напротив, те, кто остаются жить на давно заселенных территориях, будут иметь более КОЛ ценности, так как они проживают с большим количеством генетических родственников. Это сопряжено с таким понятием как *экологическое генетическое родство* — степень, в которой отдельный организм в среднем генетически связан с другими особями в своей группе и в ближайшем окружении. Известно, что виды, которые проживают рядом с генетическими родственниками, более склонны к просоциальному и альтруистическому поведению. Однако если группа меняет место жительства в составе семей или родственных групп, то генетическая связанность может сохраняться, что впоследствии также сохраняет высокий уровень КОЛ (Sng et al. 2018).

Еще одним фактором, который влияет на формирование культуры, является *воспринимаемая угроза*. Во-первых, этот antecedent ИНД — КОЛ можно рассматривать через призму *теории регалийных (regal) и кунгических (kungic) социальных структур*, которая основывается на предположении, что войны и/или межгрупповые конфликты в доисторические времена были мощной эволюционной силой, формирующей человеческую психологию. Обычно в социальной группе, в которой люди проживают в *регалийной* среде, где постоянно присутствуют угрозы выживания, развиваются более жесткие нормы, предполагающие жертвенность отдельного индивида ради группы. В противоположном случае, если люди живут

в более безопасной (*кунгической*) среде, то цениться будут больше эгалитарные ориентации. Положения войны или мира влияют на развитие культур в противоположных направлениях. Хотя условия среды могут меняться на протяжении истории, эффекты воспринимаемой угрозы сохраняются в течение многих поколений. Таким образом, страны с разным уровнем угрозы также будут варьироваться в рамках измерения ИНД — КОЛ. Однако важно отличать эффекты индивидуальных и коллективных угроз. Например, при контроле уровня коллективных угроз индивидуальные угрозы связаны с меньшим уважением к традициям и властям, уровнем национализма, преданностью стране, доверием к правительству, но большей поддержкой демократии и либеральной морали, что идет вразрез с эффектами коллективных угроз (Fog 2023a). Таким образом, ИНД культуры развивались в более безопасной среде, где индивид, если и сталкивался с угрозами, был в состоянии справиться с ними самостоятельно и соответственно мог быть более автономным и свободным. Однако в экологии, где может выжить только слаженная группа, будет превалировать КОЛ (Fog 2021; Fog 2023a).

Также из фактора воспринимаемой угрозы, влияющего на формирование более ориентированной на группу или автономной культуры, вытекает взаимосвязь между уровнем модернизации общества и ее ценностями. Экономическая модернизация создает возможность перехода от ориентации на свою группу и конформности к универсализму и индивидуальной свободе (Minkov et al. 2017). Угроза выживанию в форме экономического дефицита создает такие условия, что люди ищут особого положения для членов своей группы, ведь ресурсов на всех не хватает. В экономически слаборазвитых обществах влиятельные и власть имущие группы и/или люди более вероятно будут обладать ресурсами и ограничивать доступ чужаков к ограниченным ресурсам или предоставлять его взамен на лояльность и послушание, побуждая остальных к конформности. По мере увеличения ресурсов в обществе групповой фаворитизм теряют свою адаптивную функцию, так как интересы всех членов общества легче учитывать и защищать, что приводит к формированию системы, в которой законы одни для всех (Minkov, Kaasa 2021). Наконец, согласно *теории эмансипации* взаимосвязь между ИНД ценностями и демократией, верховенством закона, гендерным равенством объясняется тем, что экономическое развитие со временем приводит к последовательному замещению ценностей конформности, покорности и ограничительной сексуальной морали (типичных для КОЛ) на ценности индивидуальной автономии и самостоятельности, которые характерны для ИНД (Вельцел 2018).

В заключение раздела хочется обратить внимание на частое использование ИНД — КОЛ в качестве континуума единого культурного измерения. Большинство исследований культурных различий проведены в индустриальных и постиндустриальных обществах, где ИНД — КОЛ представлены как противоположности, однако если учитывать и другие типа хозяйства (например, земледельческие и охотничьи общества), то становится ясно, что единое измерение является иллюзией. По мнению Дж. Берри, дело в том, что ИНД может быть связан с *социетальным размером* (причем больший ИНД должен превалировать в более крупных и сложных обществах), тогда как КОЛ в большей степени сопровождается *социальной конформностью*, низкий уровень которой наблюдается среди охотников-собираателей и городских жителей (наемных работников), но высокий — среди занятых в сельском хозяйстве. То есть ИНД и КОЛ воспринимаются как противоположные стороны одного культурного измерения, потому что данные, это показывающие, обычно собираются в обществах, где уровни социетального размера и социальной конформности сильно различаются (т.е. среди городских жителей/наемных работников). Однако если собрать данные в других типах обществ (например, охотники или занятые сельским хозяйством), где уровни этих двух показателей совпадают, то культурное противопоставление ИНД против КОЛ или их несовместимость могут не наблюдаться (Берри 2019). Это утверждение переключается с гипотезой социоэкологической сложности, согласно которой в обществах с большей диверсификацией ниш и большим разделением труда будет представлена также большая диверсификация в чертах личности, в отличие от популяций с более простым устройством, где человек должен обладать более определенным, универсальным набором черт (Gurven 2018).

Итак, мы обратились только к основным факторам, которые влияют на формирование культурных различий. В современной литературе до сих пор есть большой пробел в плане детального анализа взаимодействия культуры, окружающей среды и типа хозяйства. На наш взгляд, более глубокое понимание этих интеракций позволит сформировать достоверное и всеобъемлющее понимание генезиса ИНД — КОЛ, поскольку негибкое использование подобных конструктов зачастую лишает анализ многих их сильных сторон. Как мы уже писали выше, сходство в коллективных адаптационных механизмах культур в одной сфере не ведет за собой единообразие во всех остальных. В связи с этим мы хотим поподробнее остановиться на модели Г. Триандиса, который добавил дополнительное измерение, обеспечивающее большую точность в понимании ИНД — КОЛ в различных обществах.

Модель Г. Триандиса и ее преимущества

С одной стороны, как было упомянуто, большинство классических моделей культурных измерений слишком перегружены дополнительными измерениями, которые не дают много дополнительной информации. С другой стороны, при сравнительном взгляде только по одному культурному измерению без какого-либо глубокого анализа некоторые общества могут выглядеть очень похожими. Так, мы уже отмечали выше, что излишняя генерализация измерения ИНД — КОЛ может привести к игнорированию важных культурных различий (например, при сравнении США и Норвегии), которые отвечают за то, что «индивидуалистический Запад» далеко неоднороден в ключевых для общества вопросах конкуренции и сотрудничества и их последствий (см.: Полтерович 2022). Также исследования показывают, что если отличия по культурному измерению «гибкость — монументализм» проходят по оси Запад — Восток (долгота), подчеркивая контраст между Восточной Азией и Латинской Америкой, а также Африкой, то по культурному измерению ИНД — КОЛ — по оси Север — Юг (широта; Fog 2023b). Тогда для сравнительных исследований стран, которые находятся примерно на одной широте, необходим подход, который фокусируется на видах ИНД — КОЛ. Вместе с этим подход Г. Триандиса предполагает, что культурное измерение ИНД — КОЛ при учете дополнительной оси «горизонтальность — вертикальность», которая в некоторой степени похожа на отдельное культурное измерение «дистанция власти» у Г. Хофстеде, как раз фиксируются ранее неучтенные различия в рамках ИНД — КОЛ.

Изначально модель культурных синдромов Г. Триандиса была создана в ответ на обнаруженную несостоятельность многих западных психологических конструкторов для использования в незападных обществах. Культурный синдром, во-первых, включает в себя общие взгляды, убеждения, нормы, роли, ценности, а также другие подобные им элементы субъективной культуры, выявленные среди тех, кто имеет общий язык, историческое прошлое и географическое положение; во-вторых, удовлетворяет трем условиям: (1) организован вокруг конкретной жизненной сферы, (2) имеет небольшую внутрикультурную вариацию, которая значительно меньше межкультурной, (3) осмысленно связан с географическим положением (Галлямова, Григорьев 2022).

Перед тем как создать полноценный подход к анализу культурных ориентаций, Г. Триандис выявил и концептуализировал следующие культурные синдромы. *Культурная закрытость* оценивает, насколько много норм в обществе и насколько они жесткие. *Культурная сложность*, которая характера для больших обществ, различает общества по количеству

социальных ролей (политических, религиозных, социальных и т.д.). *Культурная пассивность* включает в себя *склонность* общества к рефлексивному мышлению и отказу от инициативы, в то время как *культурная активность* — склонность общества к соперничеству, самореализации. В синдром *культуры чести* входят убеждения, установки, нормы, ценности и модели поведения (например, повышенная чувствительность к оскорблениям), которые благоприятствуют использованию агрессии для защиты своей чести и социализации детей. Синдром *вертикальных или горизонтальных отношений* относится к тому, что в некоторых социумах иерархии и внутригрупповые авторитеты определяют большую часть социального поведения, а в других паттерны социального поведения более эгалитарные. При этом культурный синдром ИНДКОЛ у Г. Триандиса по теоретической нагруженности совпадал с одноименным культурным измерением у Г. Хофстеде (см.: Triandis 1993).

Однако практически сразу Г. Триандис заметил сильную связность данных культурных синдромов друг с другом. Так, КОЛ общества будут более пассивные и закрытые, с более простой социальной структурой, а ИНД общества будут более сложные, открытые и активные. Кроме того, уже двадцать лет назад была сформулирована проблема — чем сильнее связь между культурными синдромами, тем меньше каждый дополнительный синдром дает независимую информацию о культурных различиях (Triandis 1996). Ее решением стала концептуализация культурного измерения ИНД — КОЛ как политетического конструкта, включающего четыре определяющих параметра: личность (автономная или зависимая), структура целей (личные или коллективные), мотивация действий (индивидуальные установки или групповые нормы), фокус в отношениях (взаимообмен или установленный в группе порядок; Singelis et al. 1995; Triandis, Gelfand 1998). Тем не менее, как и в зоологии, политетический подход выявляет факторы, которые дают понять в целом, является ли в этом обществе культура ИНД или КОЛ, а дополнительно — какой вид ИНД — КОЛ в нем представлен.

Видами ИНД — КОЛ у Г. Триандиса являются горизонтальный ИНД — КОЛ и вертикальный ИНД — КОЛ. Если использовать терминологию базовых человеческих ценностей Ш. Шварца (см.: Schwartz 1994b) для более простого их определения, то полюс КОЛ предполагает культурный приоритет индивидуальных ценностей *конформности* и *безопасности*, а полюс ИНД — *самостоятельности* и *гедонизма*, в то время как для второй оси вертикальность предполагает культурный приоритет индивидуальных ценностей *власти* и *достижений*, а горизонтальность — *доброжелательности* и *универсализма*. Таким образом, ценность добро-

желательности в сочетании с КОЛ ценностями дает *горизонтальный* КОЛ, когда важным считаются общие цели и взаимозависимость, но не слепое подчинение авторитету. Напротив, КОЛ и высокая ценность власти приводят к культуре, в которой люди готовы пожертвовать своими личными целями ради целей своей группы и принимать даже невыгодные для себя иерархии — эти черты являются основой *вертикального* КОЛ. Универсализм вместе с самостоятельностью характеризует *горизонтальный* ИНД, в рамках культуры которого индивиды хотят быть уникальными, но не особенно заинтересованы в том, чтобы стать известными, иметь большие достижения или высокий статус. Вместе с тем сочетание ценности достижений и самостоятельности дает *вертикальный* ИНД, в культуре которого придается большое значение конкуренции и высокому статусу (Triandis 1995).

Несмотря на теоретические преимущества, Г. Триандис протестировал данную модель только на индивидуальном уровне (Triandis, Gelfand 1998), и в этом она уступает остальным подходам, которые были валидизированы на культурном уровне. Однако можно выделить ряд причин, почему стоит начать применять ее также на национальном и региональном уровне. Во-первых, два измерения модели Г. Триандиса соответствуют двум основным адаптационным преимуществам человека как вида, благодаря которым он стал таким успешным: *сотрудничество* (основа для различий вертикальности — горизонтальности) и *социальная конформность* (основа для различий в ИНД — КОЛ) (Галлямова, Григорьев 2022). По мере эволюции люди, с одной стороны, все больше и больше отдавали предпочтение более сотрудничающим индивидам, а с другой стороны, навязывали нормы, регулирующие внутригрупповую координацию для решения проблем сотрудничества. Таким образом в формировании культур играют роль именно те когнитивные механизмы, которые лежат в основе сотрудничества и социальной конформности (Tomasello et al. 2012). Во-вторых, даже в рамках одной страны ИНД может сильно варьироваться. Например, люди по-разному понимают, что есть американский ИНД в зависимости от безопасности и уровня достатка района их проживания. Для более бедных районов характерен вертикальный ИНД (у автора *hard*-ИНД), основанный на жесткости, опоре на себя и конкуренции. Напротив, для безопасных и богатых мест характерен горизонтальный ИНД (у автора *soft*-ИНД), основанный на самовыражении и креативности, когда автономия сочетается с умением выстраивать эгалитарные отношения с другими (Kusserow 1999).

Наконец, некоторые пункты с наиболее высокими факторными нагрузками, которые изначально использовались для составления показателя

гибкости — монументализма, совпадают по смыслу с содержанием культурных ориентаций Г. Триандиса и его методики. Например, пункты «Я люблю помогать» (0.86) и «Я обычный человек» (0.78) отражают готовность людей участвовать в сотрудничающем поведении, а также отсутствие яркого выраженного автономного Я. Эти аспекты гибкости могут быть также использованы для оценки горизонтального КОЛ, так как в таких культурах ценятся сотрудничество и эгалитарные отношения. Напротив, в культуре, для которой характерен вертикальный ИНД, люди ценят личный успех и достижения, часто соревнуясь с другими. В этом контексте они могут с большей вероятностью преследовать личные амбиции, что подчеркивает аспект монументализма, отражаясь в высоких факторных нагрузках по таким пунктам, как «У меня есть сильные ценности, определяющие мое поведение» (0.83) и «Мне нравится соревноваться» (0.72) (см.: Minkov et al. 2018).

Итак, на наш взгляд, модель Г. Триандиса заслуживает гораздо больше внимания, так как она позволяет не только фиксировать основные различия между культурами по измерению ИНД — КОЛ, но и через их призму анализировать вариативность в рамках этого базового культурного измерения. Мы надеемся, что возрождение интереса к его подходу, а также дальнейшее развитие предложенной им модели для использования на национальном уровне может стать частью решения проблемы поиска компромисса между количеством дополнительных культурных измерений и созданием экономной, достоверной и универсальной модели измерения культуры.

Заключение

Каждая национальная культура формируется под влиянием истории, экологии и социальных институтов, поэтому, несмотря на индивидуальные различия, конструкторы группового уровня позволяют делать общие выводы о том или ином населении в целом. То есть гены, семейная социализация, этническая принадлежность, религия, пол, возраст в каждом отдельном случае имеют уникальное влияние на людей, однако национальная культура подвергает всех жителей страны одинаковому нормативному давлению (Schwartz 2014). Кроме того, у людей как у ультрасоциального вида есть потребность в групповой идентификации, а национальная принадлежность по сравнению с другими имеет наибольшую регулирующую силу. Помимо государственных институтов, национальные географические границы и уровень экономического развития также играют роль в формировании общей национальной культуры. С одной стороны, культурные обычаи более свободно распространяются в рамках государственных границ, способствуя относительной культурной однородности страны,

а с другой — экономический уровень страны определяет доступность ресурсов и образ жизни, что также влияет на культурные ориентации людей. Так, в современной литературе предлагается представление о национальных культурах как о *гравитационных полях*, так как культурные ценности представляют собой идеалы, которым пытается соответствовать большинство (Akaliyski et al. 2021). Таким образом, нельзя сказать, какие у человека ценности, зная только страну проживания, но можно предположить, влиянию каких «гравитационных полей» он подвергается. Измерение ИНД — КОЛ изначально создано для фиксирования различий между национальными культурами. Однако с развитием области, посвященной культурным особенностям, началось изучение, как эти конструкты работают на индивидуальном и промежуточном (субкультурном) уровнях (Akaliyski et al. 2021; Akkuş et al. 2017; Oyserman, Uskul 2008, Triandis 1995; Галлямова, Григорьев 2022).

Говоря о связи черт личности и национальной культуры в литературе представлено мнение, что, с одной стороны, национальная культура влияет на формирование личности, а с другой — устойчивые генетически передаваемые качества личности формируют культуру. Первой точки зрения придерживался и Г. Хофстеде. Например, он обнаружил, что в регрессионной модели уровень ИНД предсказывал экстраверсию, поскольку в ИНД культурах ценится независимость, что и предрасполагает людей к тому, чтобы быть более общительными, настойчивыми и энергичными. Напротив, противоположная точка зрения заключается в том, что биологически обусловленные личностные черты при взаимодействии с окружающей средой формируют навыки и ценности как коллективные адаптации. В таком случае культура не влияет на преобладание тех или иных личностных качеств. Формирование культурных гравитационных полей в таком случае можно объяснить при помощи двух гипотез: селективной миграции или обратной причинности (см.: Хофстеде, МакКрэй 2004). На наш взгляд, культура и черты личности совместно изменяются в ответ на определенное давление социоэкологических факторов (например, тип хозяйства, плотность населения, климат, биотические, абиотические и антропогенные угрозы), которые формируют наборы *коллективных адаптаций* (культуру) и *индивидуальных адаптаций* (личность), отбираемые в рамках *коэволюции* генов и культурных институтов и практик, в том числе благодаря *эпигенетическим механизмам*, а также процессу *аккультурации* вследствие межкультурного контакта (особенно в современном глобализованном мире).

В целом ИНД на индивидуальном уровне подразумевает, что личность постоянна и неизменна, а КОЛ — что личность податлива социальному контексту. Однако, хотя ИНД — КОЛ на национальном уровне, как пра-

вило, представляет собой дихотомическую ось, на индивидуальном уровне ИНД и КОЛ черты, согласно широко распространенной позиции, не исключают друг друга. У людей могут быть как *независимые*, так и *зависимые* представления о себе, которые могут проявляться в условиях разного социального контекста (Triandis 1995; Green et al. 2005). Для оценки ИНД — КОЛ на индивидуальном уровне были разработаны такие конструкты, как *идиоцентризм* и *аллоцентризм* (Triandis 1995), которые также назывались *независимое Я* и *взаимозависимое Я* (Markus, Kitayama 1991). Относящиеся к ним черты влияют на когнитивный стиль, самооценку и поведенческие паттерны человека. Таким образом, такой подход полезен для уточнения отдельных эффектов культурных ориентаций в рамках многоуровневых моделей, но не подходит для анализа на уровне общества (Green et al. 2005).

Основным подходом изучения ИНД — КОЛ на национальном уровне является рассмотрение данных из исследований в рамках классической или пересмотренной модели Г. Хофстеде (Hofstede 2011; Minkov, Kaasa 2021). Предполагается, что эти агрегированные данные можно использовать как индикаторы, отражающие весь культурный слой нации. Однако здесь есть ряд возражений: во-первых, это данные самоотчетов респондентов, во-вторых, национальные границы в некоторой степени искусственны. То есть представители разных культур могут иметь разные стандарты оценки того или иного признака и разные средние уровни образования, что может привести к разной интерпретации вопросов анкеты (Kemmelmeier 2016), а разный уровень социальной желательности и в целом стиль ответа может создавать дополнительные проблемы валидности (Minkov, Kaasa 2021). Также внутри национальных границ, которые часто проведены искусственно (Индия и Пакистан, различные африканские страны), могут быть крупные субкультуры, которые представляются более КОЛ или наоборот (House, Javidan 2004). Отчасти для решения этой проблемы в современных работах данные самоотчетов анализируют в сочетании с другими статистическими данными, которые отражают объективные поведенческие практики. То есть, несмотря на тот факт, что широко распространено мнение Г. Хофстеде о культурных измерениях как полностью субъективных конструктах, выполняющих чисто инструменталистскую функцию изучения культурных различий, ИНД — КОЛ можно рассматривать как культурное измерение, которое вполне себе имеет некоторую объективную основу (см.: Minkov, Kaasa 2022).

Например, вместе с измерением ИНД — КОЛ использовались данные о национальном благосостоянии, посещениях церкви (индикатор религиозности напрямую связан с показателями ИНД — КОЛ; Beugelsdijk, Welzel 2018), голосовании за того или иного кандидата, отношении к сексуальной

и репродуктивной свободе. Результаты этих исследований показали, что субъективные ответы и объективные показатели социальных практик отражают одинаковые признаки либо КОЛ, либо ИНД (Minkov, Kaasa 2021). Однако, несмотря на новые подходы в изучении национальной культуры, агрегированные результаты все равно показывают только, что определенная выборка в определенное время более ИНД или более КОЛ, поэтому исследования на национальном уровне, хотя и имеют ценность, не должны быть единственными для фиксирования групповых культурных различий (Oyserman, Uskul 2008).

Промежуточным уровнем между национальным и индивидуальным может выступать субкультурный. Конечно, агрегированные данные на уровне страны дают возможность сравнить основные отличия национальных культур, однако они нивелируют различия внутри стран, которые могут быть достаточно значительными, особенно там, где проживает множество этнических и религиозных групп (Индия, Китай), много областей с разными уровнями экономического развития (Россия, Казахстан), много мигрантов (США, Канада), большая территория (США, Россия). Кроме того, большая часть населения в современных индустриальных обществах живет в крупных городах, однако даже в таких странах, как США, есть сообщества, которые имеют землевладельческий уклад (например, амиши). Этот факт — еще один аргумент в пользу исследований культурных ориентаций на субкультурном уровне. Однако большинство работ до сих пор подвержены ошибке агрегации (*ecological fallacy*) и не учитывает все экокультурные аспекты. Несмотря на влияние национальной идентичности, существует ряд факторов культурной кластеризации в рамках одной страны: климат, язык, религия, колониальное наследие, история и экономическое развитие. Они могут совпадать с национальными границами, но далеко не всегда (Akaliyski et al. 2021).

Ярким примером такой культурной разнородности является Россия, которая, согласно данным Г. Хофстеде, по показателю ИНД — КОЛ имеет значение чуть выше среднего. Однако А. Аузан и коллеги в своих исследованиях в России обнаружили, что данный показатель как раз «маскируется» агрегированным подходом, поскольку если рассматривать Россию по отдельным регионам, то в каких-то частях страны преобладает КОЛ, тогда как в целом ИНД стремительно нарастает от Урала на восток (например, высокий уровень ИНД характерен для Дальнего Востока и Сахалина). Также градиент ИНД возрастает от маленьких деревень к мегаполисам. Таким образом, в случае России агрегированные результаты дают мало информации о реальной конфигурации культурных ориентаций в обществе (Аузан, Никишина 2021).

Согласно экокультурному подходу (см.: Берри 2019), если экологическая ниша неоднородна, то, скорее всего, внутри нее будет много различных субкультур, так как каждая «малая» культура возникает в результате различных психологических процессов, вызванных ее уникальной экологической средой. Например, если национальная культура охватывает территорию, характеризующуюся значительной экологической вариативностью, то жители этих областей будут психологически отличаться от жителей других регионов. Методик, которые разработаны с целью анализа влияния локального культурного сообщества, не так много. Чаще всего используются модели, применимые на национальном уровне. Однако недавно была разработана психологическая методика на основе подхода Г. Триандиса, которая оценивает культурные ориентации сообщества (см.: Галлямова, Григорьев 2022; Akkuş et al. 2017). Она позволяет измерить, как люди воспринимают свою проксимальную социальную среду, которая оказывает на них социальное влияние.

У всякого подхода есть свои достоинства и недостатки, но большой проблемой сравнительных исследований в сфере культуры выступает экстраполяция выводов на одном уровне на все остальные. Очевидно, что конструкты могут быть применены и на отдельных людях, и на группах, и на целых обществах, но, чтобы исследование могло дать валидные результаты, уровень, на котором формулируется концепция, должен соответствовать уровню, на котором статистически оцениваются конструкты. Например, исследователи, видя корреляцию ИНД как культурного синдрома определенной нации и любой переменной индивидуального уровня, приходят к выводу, что любые существенные различия в переменной индивидуального уровня являются следствием ИНД (Oyserman, Uskul 2008). Также культурные исследования могут страдать от проблем с анализом в обратную сторону: результаты индивидуального уровня используются для выводов о целых группах. Хотя есть и положительные примеры. Например, Ш. Шварц в своих исследованиях выявил некоторые различия, как ценности группируются и какие взаимосвязаны друг с другом в зависимости от того, агрегированы данные или нет (Schwartz 2014), но многие исследователи пренебрегают этим опытом. Кроме того, в целом исследования должны учитывать влияние факторов уровня национальной культуры на переменные индивидуального уровня, поскольку они влияют и на меньшие общности, и на отдельных людей, составляющих эти сообщества. Здесь особенно полезным может быть применение многоуровневого моделирования (особенно сразу трехуровневой модели: индивиды — субкультуры — нацкультуры).

Благодарности и финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021) *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру*. М.: Экономический факультет МГУ.

Берри Дж.У. (2019) Экокультурная психология. Пер. с англ. Д.С. Григорьева. *Культурно-историческая психология*, 15(4): 4–16.

Вельцель К. (2018) *Рождение свободы*. М.: ВЦИОМ.

Галлямова А.А., Григорьев Д.С. (2022) Разработка методики оценки воспринимаемой культуры сообщества на основе культурной ориентации горизонтальный/вертикальный индивидуализм-коллективизм Г. Триандиса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 19(3): 429–447.

Даймонд Д. (2010) *Ружья, микробы и сталь*. Пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2019) Векторы развития стран в едином пространстве культурных измерений. *Психологический журнал*, 40(6): 99–111.

Полтерович В.М. (2022) Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Часть 1. Семерка европейских лидеров. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(2): 31–43.

Хофстеде Г., МакКрэй Р.Р. (2010) Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей. Пер. с англ. В.В. Солодниковой. *Социологический журнал*, 4: 9–41.

Akaliyski P., Welzel C., Bond M.H., Minkov M. (2021) On “nationology”: The gravitational field of national culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 52(8–9): 771–793.

Akkuş B., Postmes T., Stroebe K. (2017) Community Collectivism: A social dynamic approach to conceptualizing culture. *PLOS ONE*, 12(9): 1–29.

Beugelsdijk S., Welzel C. (2018) Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(10): 1469–1505.

Bond M.H., Leung K., Au A., Tong K.-K., De Carrasquel S.R., Murakami F., ... Lewis J.R. (2004) Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 35(5): 548–570.

Brewer M.B., Chen Y.-R. (2007) Where (who) are collectives in collectivism? Toward conceptual clarification of individualism and collectivism. *Psychological Review*, 114(1): 133–151.

Conway L.G. III, Bongard K., Plaut V., Gornick L.J., Dodds D.P., Giresi T., ... Houck S.C. (2017) Ecological origins of freedom: Pathogens, heat stress, and frontier topography predict more vertical but less horizontal governmental restriction. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(10): 1378–1398.

Fog A. (2021) A test of the reproducibility of the clustering of cultural variables. *Cross-Cultural Research*, 55(1): 29–57.

Fog A. (2023a) Psychological and cultural effects of different kinds of danger. An exploration based on survey data from 79 countries. *Culture and Evolution*: 1–22.

Fog A. (2023b) Two-dimensional models of cultural differences: Statistical and theoretical analysis. *Cross-Cultural Research*, 57(2–3): 115–165.

Green E.G., Deschamps J.C., Paez D. (2005) Variation of individualism and collectivism within and between 20 countries: A typological analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36(3): 321–339.

Grigoryev D. (2022). Ethnic stereotype content beyond intergroup relations within societies: Exploring the North-South hypothesis for competence and warmth. *Cross-Cultural Research*, 56(4): 345–384.

Gurven M.D. (2018) Broadening horizons: Sample diversity and socioecological theory are essential to the future of psychological science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(45): 11420–11427.

Hofstede G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. L.: Sage.

Hofstede G. (2001) *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. L.: Sage.

Hofstede G. (2011) Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology & Culture*, 2(1): 1–26.

House R.J., Javidan M. (2004) Overview of GLOBE. In: R.J. House, P.J. Hanges, M. Javidan, P.W. Dorfman, V. Gupta (Eds.), *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. L.: Sage: 9–28.

Hruschka D.J., Hackman J. (2014) When are cross-group differences a product of a human behavioral immune system? *Evolutionary Behavioral Sciences*, 8(4): 265–273.

Inglehart R.F. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R.F. (2018) *Cultural evolution. Peoples motivations are changing and reshaping world*. Cambridge: Cambridge University Press.

Inglehart R.F., Baker W.E. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 65(1): 19–51.

Inglehart R.F., Oyserman D. (2004) Individualism, autonomy, and self-expression. The human development syndrome. In: H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds.), *Comparing cultures: Dimensions of culture in a comparative perspective*. Boston, MA: Brill: 74–96.

Kaasa A. (2021) Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a single system. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 52(4): 339–353.

Kaasa A., Minkov M. (2022) Are different two-dimensional models of culture just a matter of different rotations? Evidence from the analysis based on the WVS/EVS. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 53(2): 127–156.

Kaasa A., Welzel C. (2023) Elements of Schwartz's model in the WVS: How do they relate to other cultural models? *Cross-Cultural Research*, 1–41.

Kemmelmeyer M. (2016) Cultural differences in survey responding: Issues and insights in the study of response biases. *International Journal of Psychology*, 51(6): 439–444.

Krys K., Uchida Y., Oishi S., Diener E. (2019) Open society fosters satisfaction: Explanation to why individualism associates with country level measures of satisfaction. *The Journal of Positive Psychology*, 14(6): 768–778.

Krys K., Vignoles V.L., de Almeida I., Uchida Y. (2022) Outside the “cultural binary”: Understanding why Latin American collectivist societies foster independent selves. *Perspectives on Psychological Science*, 17(4): 1166–1187.

Kusserow A.S. (1999) De-homogenizing American individualism: Socializing hard and soft individualism in Manhattan and Queens. *Ethos*, 27(2): 210–234.

Laitin D.D., Moortgat J., Robinson A.L. (2012) Geographic axes and the persistence of cultural diversity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109: 10263–10268.

León F.R. (2023a) Electromagnetic and climatic foundations of human aggression. *Journal of Environmental Psychology*, 89: 1–9.

León F.R. (2023b) Likely electromagnetic foundations of gender inequality. *Cross-Cultural Research*, 57(2–3): 239–263.

Li L.M.W., Bond M.H. (2010) Value change: Analyzing national change in citizen secularism across four time periods in the World Values Survey. *The Social Science Journal*. 47(2): 294–306.

Maleki A., de Jong M. (2014) A proposal for clustering the dimensions of national culture. *Cross-Cultural Research*, 48: 107–143.

Markus H., Kitayama S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98: 224–253.

Minkov M. (2014) The K factor, societal hypometropia, and national values: A study of 71 nations. *Personality and Individual Differences*, 66: 153–159.

Minkov M., Bond M.H. (2015) Genetic polymorphisms predict national differences in life history strategy and time orientation. *Personality and Individual Differences*, 76: 204–215.

Minkov M. (2018) A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural & Strategic Management*, 25(2): 231–256.

Minkov M., Kaasa A. (2021) A test of the revised Minkov-Hofstede model of culture: Mirror images of subjective and objective culture across nations and the 50 US states. *Cross-Cultural Research*, 55(2–3): 230–281.

Minkov M., Kaasa A. (2022) Do dimensions of culture exist objectively? A validation of the revised Minkov-Hofstede model of culture with World Values Survey items and scores for 102 countries. *Journal of International Management*, 28(4): 1–17.

Minkov M., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., ... Mudd B. (2018) A reconsideration of Hofstede's fifth dimension: New flexibility vs. monumentalism data from 54 countries. *Cross-Cultural Research*, 52(3): 309–333.

Minkov M., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., ... Mudd B. (2017) A revision of Hofstede's individualism-collectivism dimension: A new national index from a 56-country study. *Cross Cultural & Strategic Management*, 24(3): 386–404.

Oishi S. (2014) Socioecological psychology. *Annual Review of Psychology*, 65(1): 581–609.

Oyserman D., Uskul A.K. (2008) Individualism and collectivism: Societal-level processes with implications for individual-level and society-level outcomes. In: F. van de Vijver, D. van Hemert, Y. Poortinga (eds.) *Multilevel analysis of individuals and cultures*. Mahwah, N.J: Erlbaum: 145–173.

Rentfrow P.J., Jokela M. (2016) Geographical psychology: The spatial organization of psychological phenomena. *Current Directions in Psychological Science*, 25(6): 393–398.

Shapouri S. (2022) Of germs and culture; parasite stress as the origin of individualism-collectivism. *Evolutionary Psychological Science*, 9: 82–89.

Singelis T.M., Triandis H.C., Bhawuk D.P., Gelfand M.J. (1995) Horizontal and vertical dimensions of individualism and collectivism: A theoretical and measurement refinement. *Cross-Cultural Research*, 29(3): 240–275.

Schwartz S.H. (1994a) Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In: U. Kim, H.C. Triandis, Ç. Kâğıtçıbaşı, S.-C. Choi, G. Yoon (eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. L.: Sage Publications: 85–119.

Schwartz S.H. (1994b). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 50(4): 19–45.

Schwartz S.H. (2004) Mapping and interpreting cultural differences. In: H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds.). *Comparing cultures: Dimensions of culture in a comparative perspective*. Brill: 43–73.

Schwartz S.H. (2006) A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5(2–3): 137–182.

Schwartz S.H. (2014) Rethinking the concept and measurement of societal culture in light of empirical findings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(1): 5–13.

Sng O., Neuberg S.L., Varnum M.E.W., Kenrick D.T. (2018) The behavioral ecology of cultural psychological variation. *Psychological Review*, 125(5): 714–743.

Stieger S., Götz F.M., Wilson C., Volsa S., Rentfrow P.J. (2022) A tale of peaks and valleys: Sinusoid relationship patterns between mountainousness and basic human values. *Social Psychological and Personality Science*, 13(2): 390–402.

Tomasello M., Melis A.P., Tennie C., Wyman E., Herrmann E. (2012) Two key steps in the evolution of human cooperation: The interdependence hypothesis. *Current Anthropology*, 53(6): 673–692.

Triandis H.C. (1993) Collectivism and individualism as cultural syndromes. *Cross-Cultural Research*, 27(3–4), 155–180.

Triandis H.C. (1996) The psychological measurement of cultural syndromes. *American Psychologist*, 51(4): 407–415.

Triandis H.C., Gelfand M.J. (1998) Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(1): 118–128.

van de Vliert E. (2020) The global ecology of differentiation between us and them. *Nature Human Behaviour*, 4(3): 270–278.

van de Vliert E., Conway L.G. III (2019) Northerners and Southerners differ in conflict culture. *Negotiation and Conflict Management Research*, 12: 256–277.

van de Vliert E., Postmes T. (2012) Climato-economic livability predicts societal collectivism and political autocracy better than parasitic stress does. *Behavioral and Brain Sciences*, 35(2): 94–95.

van de Vliert E., van Lange P.A.M. (2019) Latitudinal psychology: An ecological perspective on creativity, aggression, happiness, and beyond. *Perspectives on Psychological Science*, 14(5): 860–884.

Vignoles V. (2018) The “common view”, the “cultural binary”, and how to move forward. *Asian Journal of Social Psychology*, 21(4): 336–345.

Voronov M., Singer J.A. (2002) The myth of individualism-collectivism: A critical review. *The Journal of Social Psychology*, 142(4): 461–480.

THE CULTURAL DIMENSION “INDIVIDUALISM — COLLECTIVISM” AS THE MAIN TOOL FOR ANALYZING THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF CULTURES

Albina Gallyamova (aagallyamova@hse.ru),

Dmitry Grigoryev (dgrigoryev@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Gallyamova A.A., Grigoryev D.S. (2023) Kul'turnoye izmereniye «individualizm — kolektivizm» kak osnovnoy instrument analiza skhodstv i razlichiy kul'tur [The cultural dimension “individualism — collectivism” as the main tool for analyzing the similarities and differences of cultures]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 115–148 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.5>. EDN: ZAEHBQ

Abstract. The paper presents an analytical review of the current state of research into the similarities and differences between cultures through the use of cultural dimensions, with a special focus on the primary dichotomy for this purpose — Individualism-Collectivism (IND-COL). Specifically, we elucidate why, according to recent studies, a two-dimensional model is deemed sufficient for analyzing these similarities and differences, while the IND-COL dichotomy emerges as the principal assessment tool. Furthermore, we offer a conceptual analysis of the classic models of cultural dimensions (G. Hofstede, R. Inglehart, Sh. Schwartz) pertaining to IND-COL, analyzing both the consensus and discrepancies between them, as well as addressing third-party criticisms. After outlining the key attributes of IND-COL, we examine the current understanding of the role socioecological factors play in shaping either pole. Besides the main objective of a comprehensive analysis of the cultural dimension of IND-COL, we aim to draw attention to the somewhat overlooked model of H. Triandis concerning the horizontal/vertical IND-COL. Given that it has not yet been adequately tested at the cultural level, we highlight its primary advantages. In concluding this work, we focus on the challenge of analyzing at different levels (individual, subcultural, national) and propose that further progress in this field necessitates a broader application of multilevel modeling.

Keywords: cultural dimensions, individualism, collectivism, social ecology, cross-cultural research, ecocultural framework.

Acknowledgements and Funding

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

References

- Akaliyski P., Welzel C., Bond M.H., Minkov M. (2021) On “nationology”: The gravitational field of national culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 52(8–9): 771–793.
- Akkuş B., Postmes T., Stroebe K. (2017) Community Collectivism: A social dynamic approach to conceptualizing culture. *PLOS ONE*, 12(9): 1–29.
- Auzan A.A., Nikishina Ye.N. (2021) *Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyayet na ekonomiku, a ekonomika — na kul'turu* [Socio-Cultural Economics: How Culture Affects the Economy, and How the Economy Influences Culture]. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU (in Russian).
- Berry J.W. (2019) Ekokul'turnaya psikhologiya [Ecocultural Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology], 15(4): 4–16 (in Russian).
- Beugelsdijk S., Welzel C. (2018) Dimensions and dynamics of national culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(10): 1469–1505.
- Bond M.H., Leung K., Au A., Tong K.-K., De Carrasquel S.R., Murakami F., ... Lewis J.R. (2004) Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 35(5): 548–570.
- Brewer M.B., Chen Y.-R. (2007) Where (who) are collectives in collectivism? Toward conceptual clarification of individualism and collectivism. *Psychological Review*, 114(1): 133–151.

Conway L.G. III, Bongard K., Plaut V., Gornick L.J., Dodds D.P., Giresi T., ... Houck S.C. (2017) Ecological origins of freedom: Pathogens, heat stress, and frontier topography predict more vertical but less horizontal governmental restriction. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(10): 1378–1398.

Daymond D. (2010) *Ruzh'ya, mikroby i stal'* [Guns, Germs and Steel]. Moscow: AST (in Russian).

Fog A. (2021) A test of the reproducibility of the clustering of cultural variables. *Cross-Cultural Research*, 55(1): 29–57.

Fog A. (2023a) Psychological and cultural effects of different kinds of danger. An exploration based on survey data from 79 countries. *Culture and Evolution*: 1–22.

Fog A. (2023b) Two-dimensional models of cultural differences: Statistical and theoretical analysis. *Cross-Cultural Research*, 57(2–3): 115–165.

Gallyamova A., Grigoryev D. (2022) Razrabotka metodiki otsenki vosprinimayemoy kul'tury soobshchestva na osnove kul'turnoy oriyentatsii gorizontally/vertikal'nyy individualizm-kollektivizm G. Triandisa. [Development of a Measure for Assessing Perceived Community Culture Based on Triandis's Horizontal/Vertical Individualism-Collectivism Cultural Orientation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 19(3): 429–447 (in Russian).

Green E.G., Deschamps J.C., Paez D. (2005) Variation of individualism and collectivism within and between 20 countries: A typological analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36(3): 321–339.

Grigoryev D. (2022). Ethnic stereotype content beyond intergroup relations within societies: Exploring the North-South hypothesis for competence and warmth. *Cross-Cultural Research*, 56(4): 345–384.

Gurven M.D. (2018) Broadening horizons: Sample diversity and socioecological theory are essential to the future of psychological science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(45): 11420–11427.

Hofstede G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. London: Sage.

Hofstede G. (2001) *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. London: Sage.

Hofstede G. (2011) Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology & Culture*, 2(1): 1–26.

Hofstede G., MakKrey R.R. (2010) Vozvrashchayas' k obsuzhdeniyu lichnosti i kul'tury: svyaz' lichnostnykh chert i kul'turnykh osey. Transl. V.V. Solodnikov. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 4: 9–41 (in Russian).

House R.J., Javidan M. (2004) Overview of GLOBE. In: R.J. House, P.J. Hanges, M. Javidan, P.W. Dorfman, V. Gupta (Eds.), *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. London: Sage: 9–28.

Hruschka D.J., Hackman J. (2014) When are cross-group differences a product of a human behavioral immune system? *Evolutionary Behavioral Sciences*, 8(4): 265–273.

Inglehart R.F. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R.F. (2018) *Cultural evolution. Peoples motivations are changing and re-shaping world*. Cambridge: Cambridge University Press.

Inglehart R.F., Baker W.E. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 65(1): 19–51.

Inglehart R.F., Oyserman D. (2004) Individualism, autonomy, and self-expression. The human development syndrome. In: H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds.) *Comparing cultures: Dimensions of culture in a comparative perspective*. Boston, MA: Brill: 74–96.

Kaasa A. (2021) Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a single system. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 52(4): 339–353.

Kaasa A., Minkov M. (2022) Are different two-dimensional models of culture just a matter of different rotations? Evidence from the analysis based on the WVS/EVS. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 53(2): 127–156.

Kaasa A., Welzel C. (2023) Elements of Schwartz's model in the WVS: How do they relate to other cultural models? *Cross-Cultural Research*, 1–41.

Kemmelmeier M. (2016) Cultural differences in survey responding: Issues and insights in the study of response biases. *International Journal of Psychology*, 51(6): 439–444.

Krys K., Uchida Y., Oishi S., Diener E. (2019) Open society fosters satisfaction: Explanation to why individualism associates with country level measures of satisfaction. *The Journal of Positive Psychology*, 14(6): 768–778.

Krys K., Vignoles V.L., de Almeida I., Uchida Y. (2022) Outside the “cultural binary”: Understanding why Latin American collectivist societies foster independent selves. *Perspectives on Psychological Science*, 17(4): 1166–1187.

Kusserow A.S. (1999) De-homogenizing American individualism: Socializing hard and soft individualism in Manhattan and Queens. *Ethos*, 27(2): 210–234.

Laitin D.D., Moortgat J., Robinson A.L. (2012) Geographic axes and the persistence of cultural diversity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109: 10263–10268.

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (2019) Vektory razvitiya stran v yedinom prostranstve kul'turnykh izmereniy [Vectors of Development of Countries in a Single Space of Cultural Dimensions]. *Psikhologicheskii zhurnal [Journal of Psychology]*, 40(6): 99–111 (in Russian).

León F.R. (2023a) Electromagnetic and climatic foundations of human aggression. *Journal of Environmental Psychology*, 89: 1–9.

León F.R. (2023b). Likely electromagnetic foundations of gender inequality. *Cross-Cultural Research*, 57(2–3): 239–263.

Li L.M.W., Bond M.H. (2010) Value change: Analyzing national change in citizen secularism across four time periods in the World Values Survey. *The Social Science Journal*. 47(2): 294–306.

Maleki A., de Jong M. (2014) A proposal for clustering the dimensions of national culture. *Cross-Cultural Research*, 48: 107–143.

Markus H., Kitayama S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98: 224–253.

Minkov M. (2014) The K factor, societal hypometropia, and national values: A study of 71 nations. *Personality and Individual Differences*, 66: 153–159.

Minkov M. (2018) A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural & Strategic Management*, 25(2): 231–256.

Minkov M., Bond M.H. (2015) Genetic polymorphisms predict national differences in life history strategy and time orientation. *Personality and Individual Differences*, 76: 204–215.

Minkov M., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., ... Mudd B. (2018) A reconsideration of Hofstede's fifth dimension: New flexibility vs monumentality data from 54 countries. *Cross-Cultural Research*, 52(3): 309–333.

Minkov M., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., ... Mudd B. (2017) A revision of Hofstede's individualism-collectivism dimension: A new national index from a 56-country study. *Cross Cultural & Strategic Management*, 24(3): 386–404.

Minkov M., Kaasa A. (2021) A test of the revised Minkov-Hofstede model of culture: Mirror images of subjective and objective culture across nations and the 50 US states. *Cross-Cultural Research*, 55(2–3): 230–281.

Minkov M., Kaasa A. (2022) Do dimensions of culture exist objectively? A validation of the revised Minkov-Hofstede model of culture with World Values Survey items and scores for 102 countries. *Journal of International Management*, 28(4): 1–17.

Oishi S. (2014) Socioecological psychology. *Annual Review of Psychology*, 65(1): 581–609.

Oyserman D., Uskul A.K. (2008) Individualism and collectivism: Societal-level processes with implications for individual-level and society-level outcomes. In: F. van de Vijver, D. van Hemert, Y. Poortinga (eds.) *Multilevel analysis of individuals and cultures*. Mahwah, N.J: Erlbaum: 145–173.

Polterovich V.M. (2022) Konkurenciya, sotrudnichestvo i udovletvorennost' zhizn'yu. Chast' 1. Semerka yevropeyskikh liderov [Competition, Cooperation and Life Satisfaction. Part 1. Seven European Leaders]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 15(2): 31–43 (in Russian).

Rentfrow P.J., Jokela M. (2016) Geographical psychology: The spatial organization of psychological phenomena. *Current Directions in Psychological Science*, 25(6): 393–398.

Schwartz S.H. (1994a) Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In: U. Kim, H.C. Triandis, Ç. Kâğıtçıbaşı, S.-C. Choi, G. Yoon (eds.) *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. London: Sage: 85–119.

Schwartz S.H. (1994b) Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 50(4): 19–45.

Schwartz S.H. (2004) Mapping and interpreting cultural differences. In: H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds.) *Comparing cultures: Dimensions of culture in a comparative perspective*. Brill: 43–73.

Schwartz S.H. (2006) A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5(2–3): 137–182.

Schwartz S.H. (2014) Rethinking the concept and measurement of societal culture in light of empirical findings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(1): 5–13.

Shapouri S. (2022) Of germs and culture; parasite stress as the origin of individualism-collectivism. *Evolutionary Psychological Science*, 9: 82–89.

Singelis T.M., Triandis H.C., Bhawuk D.P., Gelfand M.J. (1995) Horizontal and vertical dimensions of individualism and collectivism: A theoretical and measurement refinement. *Cross-Cultural Research*, 29(3): 240–275.

Sng O., Neuberg S.L., Varnum M.E.W., Kenrick D.T. (2018) The behavioral ecology of cultural psychological variation. *Psychological Review*, 125(5): 714–743.

Stieger S., Götz F.M., Wilson C., Volsa S., Rentfrow P.J. (2022) A tale of peaks and valleys: Sinusoid relationship patterns between mountainousness and basic human values. *Social Psychological and Personality Science*, 13(2): 390–402.

Tomasello M., Melis A.P., Tennie C., Wyman E., Herrmann E. (2012) Two key steps in the evolution of human cooperation: The interdependence hypothesis. *Current Anthropology*, 53(6): 673–692.

Triandis H.C. (1993) Collectivism and individualism as cultural syndromes. *Cross-Cultural Research*, 27(3–4): 155–180.

Triandis H.C. (1996) The psychological measurement of cultural syndromes. *American Psychologist*, 51(4): 407–415.

Triandis H.C., Gelfand M.J. (1998) Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(1): 118–128.

van de Vliert E. (2020) The global ecology of differentiation between us and them. *Nature Human Behaviour*, 4(3): 270–278.

van de Vliert E., Conway L.G. III (2019) Northerners and Southerners differ in conflict culture. *Negotiation and Conflict Management Research*, 12: 256–277.

van de Vliert E., Postmes T. (2012) Climato-economic livability predicts societal collectivism and political autocracy better than parasitic stress does. *Behavioral and Brain Sciences*, 35(2): 94–95.

van de Vliert E., van Lange P.A.M. (2019) Latitudinal psychology: An ecological perspective on creativity, aggression, happiness, and beyond. *Perspectives on Psychological Science*, 14(5): 860–884.

Vignoles V. (2018) The “common view”, the “cultural binary”, and how to move forward. *Asian Journal of Social Psychology*, 21(4): 336–345.

Voronov M., Singer J.A. (2002) The myth of individualism-collectivism: A critical review. *The Journal of Social Psychology*, 142(4): 461–480.